

Настоящее чудо!

Неужели после бесконечной череды неудач фортуна наконец-то повернулась к нему лицом? Слава богу. Джеймс наконец-то увидел реальную перспективу зарабатывать на жизнь музыкой и прокормить семью.

В тот же день он позвонил домой и снова соврал отцу и брату, будто идёт к коллеге на вечеринку и задержится. А сам всю ночь напролёт праздновал с парнями... Они пели, плясали, бренчали на гитарах, дурачились и орали песни во всё горло, пока соседи не взвыли и не пригрозили вызвать полицию за нарушение общественного порядка. Только тогда эта банда перевозбуждённых придурков наконец утомилась.

И всё-таки... Чёрт возьми, это было лучшее, что случилось с ними за последнее время. И дело даже не в том, что у них наконец-то появилась работа. Главное — их музыку признали. Её оценили и приняли! В такой момент любой праздник казался слишком скромным.

Вот только Линд Лемон вряд ли разделял этот восторг.

— И чему мне радоваться? — ворчал он. — Мой младший братец научился шлаться по ночам и не приходить домой?

Джеймс, припозднившийся до трёх часов ночи, растерянно захлопал глазами, но тут же нацепил самую невинную мину:

— А почему бы и нет? Привыкай, Линд. Дальше таких «мероприятий» будет только больше.

Такой наглый ответ только рассмешил Линда. Он сгрёб брата в охапку своими ручищами, словно беззащитного цыплёнка, и принялся со смехом нещадно взъерошивать его мягкую золотистую шевелюру.

— Джимми, Джимми, ах ты мелкий паршивец! — ухмыльнулся он.

Джеймс сразу понял, что в башке у старшего брата, вечно забитой всякой похабщиной, уже нарисовалась крайне двусмысленная картина. Впрочем, лучшего оправдания своим постоянным отлучкам и ночным гулянкам он всё равно придумать не мог. Пусть лучше Линд думает, будто у него появилась тайная подружка, с которой он крутит амуры. На том и порешили — тема ночных загулов была благополучно закрыта.

Укрепившись в своих подозрениях, Линд рьяно взялся прикрывать Джимми перед отцом. Стоило старому Джону завести ворчливые расспросы, как Линд тут же шёл в атаку: «Какое ещё утро, пап? Тебе привиделось. Ты только-только глаза прикрыл, а Джимми уже дома был.

Часов в одиннадцать, я точно помню. Ну да, поздновато, но он же парень, в конце концов! Ему нужно общаться с людьми, заводить знакомства».

Вот она — настоящая братская взаимовыручка: один идёт на дело, другой стоит на шухере.

Правда, без побочных эффектов не обошлось. Линд превратился в невыносимого сплетника. Он так и сыпал дурацкими вопросами о несуществующей зазнобе: «Ну как она? Фигурка отпад? Личико смазливое? Грудь большая? Характер покладистый?» А под конец и вовсе всучил Джимми несколько пачек презервативов, строго-настрого наказав: «Смотри там, не обрюхать девку раньше времени».

Джеймсу меньше всего хотелось знать, до каких ещё пошлостей додумалась буйная фантазия старшего брата. Обычно он просто делал оскорблённый вид и орал:

— Да пошёл ты! Отвали!

Линд в ответ лишь оглушительно гоготал, а потом принимался картинно вздыхать: «Надо же, у моего маленького мальчика появились секреты от старшего брата!» — или причитать: «Эх, увели девчонки Джимми из семьи, совсем увели».

Но как бы там ни было, Джеймс искренне любил своего непутёвого брата — так, как только младшие любят старших. Пусть этот придурок Линд вечно дразнил его «Джиммигёрл», в трудную минуту они всегда стояли друг за друга горой.

Впрочем, когда карьера только начинает идти в гору, на семейные сантименты времени обычно не остаётся. Вскоре Джеймсу стало совсем не до брата. Все его мысли занимала группа. Каждую секунду он размышлял о том, как стать первоклассным фронтменом: как правильно подавать себя на сцене, держать микрофон, заводить толпу, заставляя людей бесноваться от восторга, и как органично вплести свой вокал в общее звучание инструментов.

Джеймс не знал, действительно ли он одарён так щедро, как уверял тот здоровяк по кличке Ангел, но музыка захватила его без остатка. Ощущение того, что он наконец-то обрёл дело всей жизни, пьянило. На фоне этого трезвого, чистого восторга предыдущие десять лет унылого прозябания казались затянувшимся кошмаром.

Без музыки он не жил, а просто влачил серое, полусонное существование. Теперь он даже вспомнить не мог, чем вообще занимался в то потерянное десятилетие, помимо скучной работы. Плыл по течению, словно лишившись души.

К счастью, рефлексировать долго не пришлось: уже на следующий день клуб согласовал дату их выступления. Парни из «Планеты» с головой ушли в подготовку. Если не считать прошлых хаотичных набегов на мелкие пабы, этот концерт должен был стать их настоящим, полноценным дебютом на профессиональной сцене. Ставки были высоки как никогда.

— Нам нужен единый стиль в одежде, — предложил Ланс на одной из репетиций. — Как у «Битлз». Чтобы с первого взгляда было ясно: мы — банда.

Болдуин согласно кивнул.

— И в каком стиле оденемся? — загорелся Тео. — Я бы хотел что-нибудь покруче, поэпатажнее...

Джеймс, будучи самым прагматичным из всех, охладил их пыл простым вопросом:

— Простите, господа, а у кого-нибудь из нас вообще остались деньги на новые шмотки?

И его скепсис был вполне оправдан. Все их недавние выступления приносили исключительно убытки — они играли за идею и пиво. Гонорары были грошовыми, зато аренда фургона для перевозки аппаратуры каждый раз сжирала львиную долю личных сбережений. Так что Джеймс лишь вернул мечтателей с небес на землю.

Парни уставились на него с таким укором, словно он только что прилюдно и смачно испортил воздух.

Наступила неловкая, прямо-таки звенящая тишина.

— На самом деле... шмотки — это не главное, — кашлянул Болдуин, пытаясь спасти положение. — Мы же не сопливые юнцы, чтобы суетиться из-за всякой ерунды. Настоящие рок-звезды всегда остаются собой. Что хотим, то и носим. А загонять себя в рамки каких-то там правил — это вообще не по-рокерски.

Ланс, лениво попыхивая сигаретой, небрежно бросил:

— И то верно. Оденемся попроще. Тоже мне, нашла место для высокой моды.

— Во-во, забьём на это! — поддакнул Тео. — Нарядимся как обычно. А то припрёмся все при параде, как провинциалы какие-то, первый раз в город выбравшиеся.

«Но мы и есть провинциалы, которые сцены толком не видели...» — вертелось на языке у Джеймса. Однако, благоразумно рассудив, что за подобные откровения разгорячённые товарищи могут его и поколотить, он предпочёл промолчать.

В итоге сошлись на компромиссе: в день концерта все приходят в обычном повседневном прикиде, прямо как на репетицию.

... И кто поверил в этот бред, тот последний дурак.

Каждый из этих хитрожопых парней напялил свой лучший шмот, вырядившись так, словно они шли не песни петь, а торговать телом на панели.

Ланс появился в элегантном приталенном костюме свободного кроя. Волосы его лоснились от бриолина — волосок к волоску, а на точёном лице сияла та самая безупречная, обезоруживающая улыбка, от которой у девчонок мгновенно подкашивались коленки. Болдуин остался верен своему свободному стилю, вот только под просторное пальто надел дорогую фланелевую рубашку в клетку из последней коллекции. Более того, он аккуратно стянул свои длинные патлы в хвост на затылке, а окладистую бороду задорно заплёл в две косички. Но дальше всех пошёл Тео: кожаная косуха, рваные джинсы и такое количество цепочек, булавок и прочей металлической дребедени, что он звенел при каждом шаге. Парень явно руководствовался принципом: неважно, насколько хреново ты лабаешь на басу, главное — выглядеть как грёбанный Сид Вишес.

И наконец, Джеймс.

Что ж... На сей раз главным дураком оказался именно он.

<http://bllate.org/book/19389/1953262>